

Часть 5. ТРАГИЧЕСКАЯ МАСКА МЯТЕЖНОГО» МЦЫРИ».
К 210-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова.

Автор: Наталья Морсова

«Львиная натура, страшный и могучий дух!... Огненная душа, демонский полёт, страшный и могучий исполинский дух поражает своей мощью», - В.Г.Белинский о Лермонтове.

«Его пламенная душа рвалась из оков, которая готова стать диким зверем, змеей, только чтобы быть свободной. Какие грызущие душу терзания! ...И даже в пороках его что-то великое, как молния в чёрных тучах!», - А.И.Герцен.

Счастье быть другом Лермонтова и несчастье - попасть на его острый язык. И причиной тому – не только его гениальность, - детские и юношеские душевные раны печатью боли отразились на его судьбе; трагическая маска не

сходила с лица «мятежного мщери», - так назвал его В.Г.Белинский. «Я – сын страдания», - так смотрит на свою семью Михаил Юрьевич Лермонтов, - «сухой пень, ненужный на пиру чужом», - всё предвещало конечность рода.

Отец, Лермонтов Юрий Петрович, – герой войны двенадцатого года, майор, не нашёл себя в послевоенном обществе и от ненужности своей спился. Мать Михаила, Мария Михайловна, утонула в слезах, угасая после трёх лет супружества от скоротечной чахотки, - она не смогла пережить измены своего мужа, который не стеснялся вступать в неразборчивые связи с прислугой, с няней своего сына. Ребёнок родился, в целом, здоровым. Но, почему-то акушерка, принимавшая роды, вдруг изрекла, перепугав всю родню пророческим видением, - этот мальчик не умрёт своей смертью. С раннего детства ребёнок был свидетелем семейных скандалов, рос нервным и недолюбленным. Мать умерла, когда ему не было трёх лет. Елизавета Алексеевна после смерти дочери не отдала мальчика отцу, не столько ввиду вредности характера, сколько ввиду недостойного его поведения; он слыл «любителем веселья, карт, вина и женщин», имел крупные карточные долги; вексель на 25 000 рублей остудил отцовские чувства Юрия Петровича, он отбыл в своё имение.

Милый бабушка
«Своего сердца не могу не любить
и пишу тебе, как и от Алексея
приобщившись, и у нас есть такая
дорогая тебе предвещая, много
самой еще куда пойти, кажется
амурничать в ханском дворце
или, а отсюда по дороге
и слава богу здоровья и счастья
милый в тебе твой мальчик
люблю, одного только и жалею;
покажи мне оставивший в детстве
и твою сестру и твою маму
быть отнюдь не так. Скажи им
многого еще и еще на субботу
как в пятницу как он родился
а у нас будет свадьба на субботу. Он
будет и будет всемирно».

Письмо Лермонтова бабушке 9 мая 1841 года.

Знакомые отмечают терпеливость и доброту характера Елизаветы Алексеевны, а не злобную «салтычиху», как иногда её представляют. Современники вспоминают, что крепостной лакей Ефим Яковлев очень усердствовал, когда вёз госпожу в повозке, и при каждом удобном случае вываливал её в снег из мести за то, что та разлучила его с любимой девушкой, не разрешила жениться, - так и прожил он всю жизнь бобылём. Но по доброте душевной за шалости его не наказывала. Скорее всего, ей самой

нравился рослый и красивый мужик, - она держала его в кучерах. Брат Елизаветы Алексеевы был убит в Персии вместе с Грибоедовым. Мужа женщина потеряла рано – в 37 лет - в Рождество, после домашнего спектакля «Гамлет», в котором Михаил Васильевич играл роль могильщика.

Вспоминают, что в весёлом расположении духа он посадил дочку Машу на колено, обнял жену и стал прощаться. Все восприняли, как шутку. Через полчаса его обнаружили в соседней комнате повешенным?!

Воспоминания Лермонтова прочесть невозможно, скорее всего, их и не было. Но всё можно понять в его произведениях. Только годы спустя в печати появились первые воспоминания оставшихся в живых друзей – Жуковского, Раевского, Вяземских, Карамзиных, Столыпиных, короткие, крупными мазками, с оглядкой на цензуру. Непонятый обществом, душевно одинокий, юноша рано узнал царский гнев и «царскую любовь», - за него никогда не заступались влиятельные друзья, в то время, как за Пушкина знатные покровители стояли горой. Чем это объяснить? Безобидный для родовых дворянских семей Пушкин был не опасен, а необузданного в страстях Лермонтова побаивались. И родились строки: - «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...». В нестройный хор друзей влились голоса сослуживцев по Кавказу, среди них - ссыльные декабристы, князь Одоевский оставил достоверные воспоминания о поэте. И только тогда передовая часть общества узнала некоторые подробности жизни и смерти Лермонтова.

Категоричность суждений непримиримого «мцыри» не позволяла отвлекаться на байроновский или шекспировский лирический слог, как это умел делать Пушкин. Он мечтал заняться издательской деятельностью, искал смелых единомышленников, способных на решительные действия, и не находил. Герцен объяснил это так: - «Он был не дома в мире мёртвых душ». Со временем залегла пропасть между мировоззрением Лермонтова и аристократическим окружением, с чем общество мириться не хотело. Он не имел закадычных друзей, а со временем перестал доверять свои тайны даже приятелям. Но, порой, выдавал такую откровенность, что до крайности смущал окружающих. Слишком рано ушло детство, а с ним ребячество и беспечность, на смену пришёл подростковый максимализм, скептицизм, созревшие до безжалостности, с которыми справиться он так и не сумел. Сам безмерно страдая, боролся с собой и насыщал автобиографичностью образы литературных героев. Каждое его произведение дышало трагизмом собственной судьбы, кричало, звало на помощь. Он томился невозможностью применить свои уникальные способности.

Сокурсники по московскому университету Белинский и Герцен оказались куда более смелыми и правдивыми мемуаристами, чем родственники и близкие. «Какая образность, какая музыкальность, сила и крепость в каждом стихе», - пишет В.Г.Белинский. Долгое время литературный критик никак не мог совместить насыщенность литературного творчества Лермонтова с безрассудным его поведением. Но, посетив однажды опального поэта,

находящегося под арестом за дуэль с сыном французского посланника Де Баранта накануне второй ссылки, он заметил, как наигранная маска злобы неожиданно сменилась необыкновенной теплотой во взгляде и откровенностью, невероятно поразивших Белинского. К слову сказать, - дуэль с французом состоялась 18 февраля 1840 года на том же месте, где Пушкин в 1837 стрелялся с Дантесом - на Чёрной речке! Литературовед Белинский был крайне удивлён, когда Лермонтов, с пылающими от волнения щеками, вдруг страстно заговорил - о западной литературе, об ущербности и несвободе русской литературы. «Печально я гляжу на наше поколение», - скажет поэт. Белинский понял: - раздражительность мятежного духа вызвана удушающей сферой жизни высшего света, изменить которую невозможно, Михаил говорил о язвах общества, о необходимости его реформирования. «Может быть, он пока уступает Пушкину, но добыты со дна глубочайшей и могущественной его натуры исполинский взмах и демонский полёт!», - пишет Белинский. Собеседник впервые увидел, что Лермонтов – пытливый и тонкий философ и филолог, хорошо разбирается в творчестве Байрона, Купера, Вальтера Скотта, читает их в подлиннике, что, прикрываясь байроновским плащом цинизма, который делает его отвратительным, он прячет тонкую и ранимую душу. И чем больше Белинский узнавал натуру Михаила Юрьевича, тем более понимал, что тот стоит значительно выше окружающего его общества, что его душат незыблемые правила и порядки. Критик восхищён мощным напором нарождающегося гения: - «Тут нет легковесного похмелья, ни сладостного безделья, ни лени золотой, ни вина, ни шалостей Амура». И далее: - «Я перед ним благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества... Эта огненная душа, исполинский дух, он поражает своей мощью... Львиная натура, страшный и могучий дух!» В обличительно - циничном и трагичном образе Печорина современники слышали исповедь самого автора и насторожились; за ним наблюдали, искали встреч, но близко не подпускали. Николай тоже всё понял, остался недовольным «Героем нашего времени» и посчитал произведение вредным и опасным для общества.

После гибели поэта Белинский скажет: - «Всё это заставляет думать, что мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина!». А.И.Герцен также переменял своё отношение к Лермонтову и стал собирать по крупинкам знания о его личности и творчестве. Он сумел проникнуть в душевное его состояние, один из немногих, философ увидел душевную боль и страдания поэта, спрятанные под «ледяной оболочкой». И почувствовал дух борца – одиночки, «равный духу Ивана Великого!» Но тогда к провидческим словам мастеров слова никто не прислушался. И только после серии публикаций задумались о масштабе личности поэта.

Долгое время Лермонтова видели порочным баловнем судьбы, желчным и злобным ненавистником людей. Но за маской сарказма скрывалась застенчивая и ранимая душа. Не нашлось художника, который сумел бы распознать и выразить на холсте душу поэта, за исключением полкового

товарища Меликова П..Е. Художник вспоминает: - «Приземистый, маленький ростом с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза ... производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они были ужасны».

Редкий ум, широкую эрудицию отмечали все, кто соприкасался с поэтическим, музыкальным и художественным творчеством поэта, на одном дыхании он переводил Гёте. При этом, даже когда он смеялся, глаза оставались злыми, а выражение лица – напряжённым и жёстким. Но, хочется думать, что не злость, а душевная рана отпечаталась на лице трагической маской страдания, которая никогда не исчезала с его лица, словно приросла навечно; казалось, будто несёт он в себе все беды человеческие. А может быть, и в самом деле так? «Скрипя сердцем», ему прощали колкие шутки, шалости, ядовитые клички. Но однажды его легковесность натолкнулась на уязвлённое самолюбие товарища по службе. И случилось непредвиденное.

Однако, сказать, что Лермонтов только и знал, что затравленным зверем из-за угла подглядывал за «сливками общества», без конца злился и ненавидел людей, как это часто преподносится, - будет неверно. Он жил в обществе, к которому принадлежал, веселился, влюблялся, бывал нежным и застенчивым, озорничал, наслаждался жизнью. И этому есть пример в воспоминаниях приятеля и секунданта князя Васильчикова, указывающего на «раздвоение» личности поэта, - часть своего времени он посвящал чему-то серьёзному: чтению, писательству, сочинению стихов, а иногда занимался «такими шалостями, какие могут прийти в голову разве только пятнадцатилетнему школьному мальчику». И приводит пример, - если подадут какое-то блюдо, он первым бросается к нему с вилкой, выхватывает лучшие куски и быстро съедает их. Или, - проезжает мимо какой-то стихотворец с бочонком свежепросоленных огурцов, Лермонтов приглашает его к себе, гость угощает и начинает читать свои стихи, а Лермонтов в это время съедает половину огурцов, а другую запихает себе в карманы и убегает, оставляя гостя в полной растерянности.

Осенью 1838 года он тоже пошалил, когда явился на парад перед императором в Царском Селе с короткой сабелькой, за что попал на гауптвахту. Бабушка обивала пороги, спасая непутёвого внука от наказания. Саблю он любил и часто применял. А больше всего любил Пушкина. Читал его стихи и плакал. Поплачет от избытка чувств, поплачет, а потом вытащит сабельку и давай рубить подушки. Тут уж, собачонка или курёнок, не попадись под руку – зарубит.

И он же храбрый воин. Как вспоминает современник - историк Тенгинского пехотного полка Д. Ракович: «Лермонтов был командиром отряда разведчиков. Лермонтов принял от него (Дорохова. – В.Б.) начальство над охотниками, выбранными в числе сорока человек из всей кавалерии. Эта команда головорезов, именовавшаяся «лермонтовским отрядом», рыская впереди главной колонны войск, открывала присутствие неприятеля, как снег на головы сваливаясь на аулы чеченцев... Лихо заломив белую холщовую

шапку, в вечно расстегнутом и без погон сюртуке, из-под которого выглядывала красная канаусовая рубаха, Лермонтов на белом коне не раз бросался в атаку на завалы. Минуты отдыха он проводил среди своих головорезов и ел с ними из одного котла, отвергал излишнюю роскошь, служа этим для своих подчиненных лучшим примером воздержания».

Единственным милосердным и терпеливым Ангелом – хранителем Михаила Юрьевича была бабушка. Известие о гибели внука сразило Елизавету Алексеевну – её хватил удар (инсульт), – отнялись ноги, глаза её закрылись от слёз, она поднимала веки пальцами, чтобы видеть опустевший мир, тело обожаемого внука она перевезла в Тарханы и перезахоронила в семейной усыпальнице. Оставшиеся четыре года жизни готовилась к встрече с ним, отдавая все силы и средства на благотворительность. После смерти усадьба по завещанию перешла её младшему брату – Алексею Столыпину с неизменным условием - оставить комнаты внука в мезонине нетронутыми. Со временем дом перестроили, но внутреннее убранство мезонина осталось прежним, здесь личные вещи поэта, мебель, посуда, оружие, военная форма, иконы работы Лермонтова-художника, портреты родственников.

Потомки сохранили роскошный парк, вяз, под которым поэт когда-то мечтал. Липовая аллея несёт в себе былую память, за двести лет липы возмужали, крепкие и статные, словно стражники на посту, они охраняют колыбель ушедшего в бессмертие поэта.

С обложек книг смотрит он трагически–пылающим взором, как – будто только он один знает правду жизни, оставаясь навсегда неразгаданной тайной.

В чём его тайна? Одиноким ангел, чистый и безгрешный, ищет согласия с миром и не находит; ведомый роком греха и гениальности, безмерно страдающий, изгнанный из рая, низвергнут с небес; разочарованный странник, бунтарь и мятежник добровольно надевает маску демона, обрекая себя на вечные скитания.

*Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты;
Где преступленья лишь да казни;
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить...*